

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2024.68.49.052

**Развитие нормативной конструкции об организаторе
преступления по отечественному уголовному праву во второй
половине XIX века – начале XX века**

Долева Ольга Андреевна

Аспирант,
Университет прокуратуры Российской Федерации,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2;
e-mail: olya.doleva@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается фигура организатора преступления в контексте развития уголовного законодательства во второй половине XIX века – начале XX века. Автором отмечаются подходы к определению института соучастия в целом и пониманию такого вида соучастника, как организатор преступления, предпринятые законодателем того периода времени в Уголовном уложении 1845 года, а также в Уголовном уложении 1903 года. В рамках исторического исследования развития юридической конструкции «организатор преступления» в отечественном уголовном праве автор приходит к выводу, что потребность в «сквозной», унифицированной регламентации соучастия в преступлении безотносительно к видам преступлений на законодательном уровне осознана в XIX веке. На этом этапе возникают все признаки института соучастия. Однако сохраняются предписания о соучастии в отдельных преступлениях.

Для цитирования в научных исследованиях

Долева О.А. Развитие нормативной конструкции об организаторе преступления по отечественному уголовному праву во второй половине XIX века – начале XX века // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 493-499. DOI: 10.34670/AR.2024.68.49.052

Ключевые слова

Организатор преступления, организация преступления, институт соучастия, соучастие в преступлении.

Введение

В середине XIX века нормативно-правовым актом, определяющим вопросы соучастия, выступило Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение). Представленный документ был утвержден на основании Указа Императора Николая I от 15.08.1845 и введен в действие с 01.05.1846.

По сущности, Уложение стало первым Уголовным кодексом Российской Империи. Закрепленное в нем понятие преступления, а помимо этого, иные определения, используемые в практике уголовного наказания, отличались юридической четкостью. Именно этот документ, по мнению большинства ученых [Грачева, Чучаев, 2016, 10-27], стал основным и ведущим источником национального уголовного права вплоть до произошедшей в 1917 году смены строя и власти в России. Совершенствование законодателем определения термина «организатор преступления», а также ограничение ответственности такого лица от ответственности других соучастников оказали важнейшее влияние на развитие уголовного права России.

Основная часть

Так, в 6 статье отделения 1 главы 1 Уложения определялись две степени преступных деяний и проступков: «когда противозаконное деяние учинено именно вследствие заранее обдуманного намерения или умысла»; «когда таковое совершается хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления» [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, www]. Согласно ст. 13 отделения 3 главы 1 Уложения, в особое внимание принималось, совершено ли соучастниками преступное деяние по предварительному для всех или отдельных соучастников соглашению или без такового [там же]. И, соответственно, устанавливались формы участия лиц в совершенном преступном деянии: по предварительному сговору (заговор) и шайка (организованная, с распределением ролей между всеми участниками совершенного преступления или без предварительного соглашения) [Грачева, Чучаев, 2016, 10-27].

Статьей 14 отделения 3 главы 1 Уложения соучастники, которые совершили преступное деяние «без предварительного их согласия на это», разделялись на главных виновных (распоряжавшихся или управляющих действиями других людей, а помимо этого, и тех, кто приступил к совершению противозаконных действий ранее других или же непосредственно совершил преступное деяние) и участников преступления (кто непосредственно помогал главным преступникам в совершении преступного деяния, а помимо этого, и тех, кто доставляли средства, необходимые для совершения преступного деяния или же стремились устранить все возникающие препятствия на пути к совершению преступления) [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, www].

Крупнейший отечественный криминалист Н.С. Таганцев особо подчеркивал, что «к главным виновным причисляются еще и такие лица, которые распоряжались или управляли действиями других людей и в той ситуации, когда они сами не принимали непосредственного участия в совершении преступного деяния» [Таганцев, 1886, 20].

Статьей 15 отделения 3 главы 1 Уложения соучастники, совершившие преступное деяние по предварительному сговору, делились на зачинщиков, сообщников, подговорщиков или подстрекателей, пособников. Особо подчеркивается, что к зачинщикам законодатель относил тех, кто, умыслив содеянное преступное деяние, согласили (уговорили) на то других людей, а помимо этого, и тех, кто управлял действиями при непосредственном совершении преступного

деяния или покушении на такое или же в числе первых приступили к подобному [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, [www](#)].

Зачинщик признавался умственным виновником преступного деяния и при таких ситуациях, когда он сам не принимал никакого участия в фактическом совершении преступного деяния [Таганцев, 1886].

В Уложении 1845 г. законодатель отдельно выделял главных виновных, то есть тех, кто осуществлял распоряжение либо управление действиями остальных виновных (к коим относились исполнители и организаторы); тех, кто начал действовать первыми, и субъектов, которыми непосредственно было осуществлено посягательство (судя по всему, речь шла об исполнителях) [Есаков, 2011, 10-15; Есаков, 2011, 32-36; Георгиевский, 2019, 167].

При этом Уложение устанавливало меру наказания в непосредственной зависимости от обстоятельств, в рамках которых было совершено преступное деяние (проступок). Так, статьей 110 отделения 2 главы 3 мера наказания определялась в непосредственной зависимости от объема умысла, степени реализации преступных намерений, а помимо этого, и степени участия в данном преступном деянии (покушении на таковое). Также при избрании меры наказания учитывались и иные обстоятельства, которые могли несколько увеличить или, напротив, снизить вину отдельного преступника [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, [www](#)].

Ответственность напрямую зависела от вида умысла, при этом осуществление организаторских действий наказывалось строже. Следует особо отметить, что за преступные деяния, которые были совершены на основании заранее спланированного умысла, предусматривалась высшая мера наказания виновного.

Так, статьей 123 отделения 2 главы 3 Уложения за преступное деяние, которое было совершено одновременно несколькими лицами, но без предварительного между ними сговора, главным виновным лицам присуждалась высшая мера наказания, а другим участникам по делу мера наказания утверждалась на основании их участия в данном преступном деянии, одной или же двумя степенями ниже того наказания, которому подвергались главные виновные.

Кроме того, статьей 124 отделения 2 главы 3 Уложения за преступные деяния, которые были совершены одновременно несколькими лицами по предварительному между ними сговору, основному (основным) зачинщикам данного преступления, если законом не определена мера наказания за отдельное преступное деяние, назначалась высшая мера. Рассматриваемая мера применялась и тогда, когда зачинщик не присутствовал при совершении преступного деяния, которое было организовано им лично. Строгость наказания зачинщиков снижалась на одну степень, если они отступили от исполнения запланированного намерения, но при этом не предприняли никаких мер для того, чтобы предупредить фактическое совершение данного преступления, а помимо этого, не донесли об умышляемом надлежащему или иному ближайшему начальству [там же].

Уложением устанавливались и обстоятельства, которые несколько увеличивали вину и меру назначаемого наказания, к которым относились указанные в ст. 135 отделения 2 главы 3: объем умысла и обдуманность действия; состояние, звание и степень образованности зачинщика; степень противозаконности; количество лиц, вовлеченных в преступное деяние; объем усилий, направленных на устранение препятствий к совершению преступного деяния; степень жестокости; степень общественной и государственной опасности; тяжесть последствий, причиненных преступным деянием; непризнание вины, клевета в отношении невиновных в совершении ими преступного деяния.

По свидетельству Н.С. Таганцева, сама система института соучастия в преступлении по Уложению представляется осложненной тем, что деление соучастников на виды было поставлено в соотношение с различием форм соучастия. В результате институт соучастия в преступлении оказался крайне сложным [Таганцев, 1902].

Таким образом, Уложение содержит терминологически и функционально связанные общие предписания о соучастниках, логически определенные подходы к наказуемости деяния в непосредственной зависимости от статуса лица, его совершившего, что представляет собой основу института соучастия. При этом законодатель, уделяя пристальное внимание унифицированной регламентации соучастия, сохраняет и предписания о соучастии в отдельных видах преступлений.

Результаты проведенного, а также более раннего исследования [Долева, 2023, 247-251] дают основание для понимания организатора преступления как интеллектуального виновника, заведомо и умышленно осуществляющего противоправную деятельность, в связи с чем являющегося наиболее опасным видом из соучастников преступления и несущего, как правило, большую ответственность и более суровое наказание по сравнению с иными участниками.

Дальнейшее развитие института соучастия отражено в Уголовном уложении 1903 года, вобравшем в себя лучшие достижения научно-правовой мысли того периода, выразившиеся в тщательной проработке уголовно-правовых понятий, высоком уровне юридической техники, в том числе и в части регламентации ответственности соучастников.

Так, согласно статье 51 отделения 1 главы 1 Уложения, соучастниками признавались «непосредственно учинившие преступное деяние или участвовавшие в его выполнении» (т.е. исполнители), подстрекатели, а помимо этого пособники. Соучастники (за исключением пособника) тяжкого или обычного противоправного деяния подлежали указанному в законе наказанию за конкретно совершенное преступление.

Таким образом, Уголовное Уложение 1903 года определяло лишь три типа соучастников: пособник, подстрекатель и исполнитель.

Принимая за основу немецкую доктрину о соучастии, российское уголовное право начала XX века понимало исполнительство намного шире, нежели оно трактуется в настоящее время, охватывая не только выполнение объективной стороны преступления, но и действия по его организации. Непосредственно под влиянием немецкой доктрины российский законодатель признавал исполнителем лицо, организовавшее преступление или руководившее его совершением.

Кроме того, в данном нормативно-правовом акте уже присутствуют черты оформления новых типов преступных группировок в виде шаяк и сообществ [Чистяков, 1984, 286-287]. Ряд ученых отмечает, что функционирование сообществ было так или иначе связано с революционными движениями. При этом посягательства, осуществляемые шайками, отдельно закреплялись статьями закона [Епифанова, 2003, 40-41].

В Уложении 1903 года, как и в большинстве более ранних нормативных документов, содержались самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за криминальную организационную деятельность. При этом ответственность соучастников предусматривалась только за особо тяжкие преступные деяния, совершенные в отношении веры (религии), императора, а также за бунт [Георгиевский, 2019, 134].

Так, статьей 121 главы 5 Уложения 1903 года предусматривалась определенная уголовная ответственность за принятие участия в публичном скопище, заведомо собравшемся для того, чтобы выразить свое неуважение в отношении Верховной власти или порицание образа правления или порядка наследования Престола. Этой же статьей определялась ответственность

устроителям (организаторам) и подговорщикам (подстрекателям) такого скопища. Аналогичным образом устанавливалась ответственность в отношении участников, устроителей и подговорщиков скопища, совершившего насилие вследствие религиозной, племенной или сословной вражды (статья 122 главы 5 Уложения 1903 года), в отношении участников, устроителей и подговорщиков скопища, совершившего насильственное противодействие вооруженным силам, выступающим в целях разгона скопища, либо нападение на военный караул, либо захватившим склад с оружием или военными припасами, оружейный завод или завод по производству военной техники, военный объект, военное морское судно, государственное казначейство (статья 122 главы 5 Уложения 1903 года) [Уголовное Уложение 1903 года, www].

Следовательно, в Уложении 1903 года последующее развитие получают и совершенствование нормы, регулирующие общие положения о самом институте и о конкретных видах соучастников, об уголовной ответственности каждого из них в непосредственной зависимости от обстоятельств совершения преступного деяния. При этом законодатель отдельными статьями в Особенной части Уложения регламентирует уголовную ответственность за отдельные, наиболее особо опасные виды преступлений.

Заключение

Подводя итог, полагаем возможным отметить, что в отечественном уголовном праве в XIX – начале XX вв., с учетом приверженности законодателя к континентальной системе права, сохранялась тенденция отнесения организаторских действий к действиям исполнителя преступления. Потребность в «сквозной», унифицированной регламентации соучастия в преступлении безотносительно к видам преступлений на законодательном уровне осознана в XIX веке. На этом этапе возникают все признаки института соучастия. Однако, наряду с этим, сохраняются предписания о соучастии в отдельных преступлениях.

Библиография

1. Георгиевский Э.В. Совместное совершение преступления в истории уголовного законодательства. М: Юрлитинформ, 2019. 167 с.
2. Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: предыстория концептуальные основы, общая характеристика // Коняхин В.П., Прохорова М.Л. Материалы Международной научно-практической конференции «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение». Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2016. С. 10-27.
3. Долева О.А. Развитие нормативной конструкции об организаторе преступления в отечественном законодательстве с X по первую половину XIX века // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 247-251.
4. Епифанова Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России. Краснодар, 2003.
5. Есаков Г.А. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // Уголовное право. 2011. № 2. С. 10-15.
6. Есаков Г.А. Умысел в соучастии (эксцесс исполнителя и ответственность организатора) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 32-36.
7. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. СПб., 1902.
8. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 5-е изд., доп. СПб., 1886.
9. Уголовное Уложение 1903 года. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_uloenie_1903_goda.pdf.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845>.
11. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9 т. Т 9. М.: Юридическая лит-ра, 1984.

The development of a normative structure about the organizer of a crime under domestic criminal law in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century

Ol'ga A. Doleva

Postgraduate Student,
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
117638, 2 Azovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: olya.doleva@yandex.ru

Abstract

The article examines the figure of the organizer of the crime in the context of the development of criminal legislation in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century. The author notes the approaches to the definition of the institution of complicity in general and the understanding of such a type of accomplice as the organizer of a crime, undertaken by the legislator of that time period in the Criminal Code of 1845, as well as in the Criminal Code of 1903. As part of a historical study of the development of the legal structure of the "organizer of crime" in domestic criminal law, the author concludes that the need for a "cross-cutting", unified regulation of complicity in crime, regardless of the types of crimes, was realized at the legislative level in the XIX century. At this stage, all the signs of the institution of complicity arise. However, along with this, the regulations on complicity in certain crimes remain.

For citation

Doleva O.A. (2024) Razvitie normativnoi konstruktsii ob organizatore prestupleniya po otechestvennomu ugovnomu pravu vo vtoroi polovine XIX veka – nachale XX veka [The development of a normative structure about the organizer of a crime under domestic criminal law in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 493-499. DOI: 10.34670/AR.2024.68.49.052

Keywords

Organizer of the crime, organization of the crime, complicity in the crime.

References

1. Chistyakov O.I. (1984) *Rossiiskoe zakonodatel'stvo Kh-KhKh vekov: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolutizma. V 9 t. T 9.* [Russian legislation of the 10th and 20th centuries: Legislation during the formation of absolutism. In 9 volumes. Vol. 9]. Moscow: Yuridicheskaya lit-ra.,
2. Doleva O.A. (2023) Razvitie normativnoi konstruktsii ob organizatore prestupleniya v otechestvennom zakonodatel'stve s Kh po pervuyu polovinu XIX veka [Development of a normative structure about the organizer of a crime in domestic legislation from the 10th to the first half of the 19th century]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal science], 7, pp. 247-251.
3. Epifanova E.V. (2003) *Stanovlenie i razvitie instituta souchastiya v prestuplenii v Rossii* [Formation and development of the institution of complicity in crime in Russia]. Krasnodar.
4. Esakov G.A. (2011) Kvalifikatsiya sovmestnogo soversheniya prestupleniya s litsom, ne podlezhashchim ugovnoyi otvetstvennosti: novyi povorot v sudebnoi praktike [Qualification of joint commission of a crime with a person not subject to criminal liability: a new turn in judicial practice]. *Ugolovnoe pravo* [], 2, pp. 10-15.

5. Esakov G.A. (2018) Umysel v souchastii Criminal Law (ekstsess ispolnitelya i otvetstvennost' organizatora) [Intent in complicity (excess of the performer and responsibility of the organizer)]. *Ugolovnoe parvo* [Criminal law], 2, pp. 32-36.
6. Georgievskii E.V. (2019) *Sovmestnoe sovershenie prestupleniya v istorii ugolovnogo zakonodatel'stva* [Joint commission of a crime in the history of criminal legislation]. Moscow: Yurlitinform Publ.
7. Gracheva Yu.V., Chuchaev A.I. (2016) Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda: predystoriya kontseptual'nye osnovy, obshchaya kharakteristika [Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845: background, conceptual foundations, general characteristics]. In: Konyakhin V.P., Prokhorova M.L. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda: kontseptual'nye osnovy i istoricheskoe znachenie»* [Proc. Int. Conf. "Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845: Conceptual Foundations and Historical Significance."]. Krasnodar: Kuban State University, pp. 10-27.
8. Tagantsev N.S. (1902) *Kurs ugolvnogo prava* [Criminal law course]. Saint Petersburg.
9. Tagantsev N.S. (1886) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [Code on criminal and correctional punishments of 1885], 5th ed. Saint Petersburg.
10. *Ugolovnoe Ulozhenie 1903 goda* [Criminal Code of 1903]. Available at: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf.
11. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda* [Code on criminal and correctional punishments of 1845]. Available at: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> [Accessed 12/02/2024].